

Евгения Воскобойникова
Анастасия Чуковская

НА МОЕМ МЕСТЕ

История одного перелома

Москва 2017

[>>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 929
ББК 84(2Рос=Рус)
В76

Воскобойникова Е., Чуковская А.
В76 На моем месте. История одного перелома / Евгения Воскобойникова, Анастасия Чуковская. – Москва : Индивидуум паблишинг, 2017. – 277, [11] с. – (Преодоление).

ISBN 978-5-9907227-9-8

Женя Воскобойникова прошла через многое: одна из главных красавиц Воронежа, модель и гордость родителей в 22 года чуть не погибла в страшной автомобильной аварии, после которой она и ее подруга Настя остались инвалидами. «Вы больше не сможете ходить», — свой приговор Женя услышала в провинциальной больнице, где провела больше полугода, перед тем как отправиться на лечение в столицу. А дальше — операции, реабилитация, депрессия, отчаяние и... обретение совершенно иного смысла существования, переезд в Москву и работа на телеканале «Дождь».

Женя превратилась в общественного деятеля. Она заставляет услышать голоса тех, кого общество старается не замечать, она нашла в себе силы любить и быть любимой, родила дочку Марусю и с еще большей силой продолжает свою борьбу. Как молодой девушке это удалось? Откуда появилось чувство, что авария произошла не в качестве наказания за что-то, а для чего-то? Как изменилась хрупкая длинноногая блондинка, оказавшись в столь драматичных обстоятельствах? Об этом рассказывает сама Женя, без купюр, а записала ее рассказ журналистка Анастасия Чуковская.

УДК 929
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-9907227-9-8 © Воскобойникова Е., Чуковская А., 2017.
© ООО «Индивидуум паблишинг», 2017.

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

*Я посвящаю эту книгу моей бабушке,
Любови Николаевне Воскобойниковой,
которой я обязана всем,
что есть во мне хорошего*

ЭТО НЕ СО МНОЙ

ОЧНУЛАСЬ я день на третий. Горло что-то сжимает, в носу щекотно, я в трубках, катетерах, ко мне подключены какие-то аппараты, датчики, капельницы. Первым желанием было немедленно все вытащить. Голова поворачивалась с трудом, у меня даже приподняться не получилось. Я могла только протянуть одну руку к другой. Я пыталась пальцами оторвать пластыри и вытащить из руки какую-то штуковину. И тут я услышала ругань. Чьи-то рассерженные голоса — все ближе и ближе. Медсестры... Они кричали на меня, матерились, схватили меня за руки. Сопротивляться я не могла. Одна из медсестер вытащила из кармана бинт и привязала мои руки к кровати. «А ты

чего ждала? Ты же не соображала ничего, что нам было делать? Главное, чтоб катетеры не трогала». И никаких извинений.

Наказанная, я пролежала целую вечность. Наверное, полдня. Я не чувствовала своего тела ниже пояса. Где мои ноги? Когда меня развяжут, надо обязательно себя ощупать, решила я. Рядом были люди, но я никого не видела, не могла представить, кто они. Пищали аппараты. Я могла ориентироваться только по звукам и по теням на потолке. Я поняла только, что я в реанимации, ко мне никого не пускают. Мне никто ничего не объяснял. Сколько дней я здесь? Еще февраль?

Иногда из коридора доносился звериный вой — я быстро сообразила, что он значит. Люди умирали, а их близкие выли. Я тоже умру?

Что теперь будет? Пришли врачи. До меня доносились слова «пациентка», «больная». Это они про меня? Они собрались вокруг моей кровати, говорили «она». Я не все понимала из того, что они произносили. Кажется, я выделилась — я самый тяжелый случай во всем отделении. Но что со мной? А что с Настей? Я помню

кровь на своих джинсах, это же была ее кровь. Что с ней? Я вроде бы помню, как их с Диной увезли на скорой.

— Евгения Андреевна, разрешите? — Это следователи пришли снимать показания. — Обвинения против водителя Алексея Гончарова выдвигать будете?

Я вздрогнула. Это же все-таки друг Настинного парня, из нашей тусовки человек. Мне объяснили: если докажут его виновность, ему грозит как минимум поселение за вождение в нетрезвом виде и нанесение тяжкого вреда здоровью двум и более лицам.

— Давайте вы еще подумаете, мы вас попозже еще раз спросим.

У меня возникло ощущение, что следователи знают больше, чем я.

Так и было. Не могу с точностью восстановить, что происходило после того, как нас с Настей и Диной развезли по больницам, но, кажется, дело было так: протрезвевший от шока Алексей подкупил гаишников, чтобы те написали, что за рулем была я, а это значит, что я — виновница происшествия. Дескать, я взяла его машину покататься, и мы с девочками выш-

ли из клуба навстречу приключениям. Потом, когда за дело взялись следователи и стали разбираться, они поняли, что я-то была на заднем сиденье.

Казалось, весь город знает о случившемся. Ничего уже не замять — воронежские СМИ гудели: три модели, пьяные девахи, с пьяным водителем после ночного клуба перевернулись, разбились, смотрите, вот как заканчивается жизнь гламурной золотой молодежи.

В прошлом году «МОЁ!» уже рассказывала о 20-летней Евгении Воскобойниковой. Эту девушку воронежцы до сих пор могут встретить на рекламных щитах в центре города — Женя рекламирует один из свадебных салонов. Год назад победительница воронежского конкурса красоты «Леди Совершенство — 2005» охотно поделилась с нашими читателями своими профессиональными секретами. «Главное для модели, — говорила Женя, — уметь оставаться на подиуме самой собой...»

Но на днях на долю Жени и ее подруг по модельному агентству «Андеграунд стиль» Насти Ругаевой и Дины Новичихиной выпало по-настоя-

щему тяжелое испытание: в пятницу, 17 февраля, девушки пережили страшную аварию. Врачи говорят, что при неблагоприятном исходе Женя может остаться навсегда прикованной к больничной койке, а Насте (которая в прошлом году стала вице-мисс конкурса «Леди Совершенство») до сих пор требуется искусственная вентиляция легких. Родные и близкие верят, что девочки поправятся и обязательно вернуться к активной жизни.

«При неблагоприятном исходе» — что это значит?

Наконец-то пришли родители. Хорошо, что они смогли уговорить врачей пустить их ко мне, потому что я уже начала сомневаться, что я — это я. Когда я оказалась на больничной койке, у меня было такое чувство, будто я и мое тело отделились друг от друга. Я наблюдала за всем со стороны. Это не со мной происходило, а с моим телом. А я, Женя, отлетела куда-то в район потолка, туда, где медленно загораются и жужжат люминесцентные лампы, освещающие мою часть палаты. Это оттуда, сверху, я за всем наблюдала.

Вот рядом с моим обездвиженным телом стоят родители и брат. Бедные! У них совсем другие лица, я их такими никогда не видела. Папа не мог сидеть на месте, ему все время нужно было что-то делать, куда-то бежать, выполнять указания врачей. Найти специальный матрас против пролежней, достать лекарства — почему-то в нашей больнице ничего этого не было.

Мама... Мама будто обратилась в камень. Она разговаривала, только если это требовалось. Коллеги вошли в ее положение и предложили взять бессрочный отпуск, чтобы ухаживать за мной. «А когда сможешь — вернешься, мы будем тебя ждать!» Мама должна была разобратся, что имели в виду врачи, когда говорили, что у меня поврежден спинной мозг. Насколько поврежден? Мой позвоночник из одной палочки превратился в две, которые не связаны между собой. Позвоночник не зафиксирован, он фактически сломан пополам. В ночь, когда я попала в больницу, разбудили хирургов и мне сделали операцию: спину разрезали вдоль позвоночника, удалили куски раздробленных позвонков, а потом зашили об-

ратно. Мама, прости меня. Мама, меня занесло. Мама, я такая дура!

Я открывала глаза и видела трещины на потолке. Я закрывала глаза и видела те же трещины. Меня на железной каталке возили на физиопроцедуры и в барокамеру. Под лязг железа я изучила все потолки своего этажа. Каталка помещалась только в грузовой лифт. Медсестры со свистом меня завозили в него, непременно ударяя о стену той частью каталки, где была моя голова. Этого можно было избежать, если продолжать катить меня вперед ногами, но это же суеверие, так покойников возят, «а ты пока живая, так что это мы для тебя стараемся, скажи спасибо».

Каждые несколько часов меня переворачивала целая бригада — нельзя было допустить перекручивания в сломанном позвоночнике, так что за меня брались сразу три человека. Большую часть времени я так и лежала, лицом вниз. Уже тогда я узнала, что мои ноги все-таки целы. Просто я их не чувствую, не могу ими управлять. Их как будто и нет вовсе.

Время тянулось бесконечно долго. Родители искали врачей, которым можно доверять

и которые за меня возьмутся. На все нужны были деньги, много денег. У моей семьи таких денег не было. Неделя, другая, месяц, два месяца, три — я начала понимать, что быстро это не закончится. Мне казалось, что я никогда не выйду из этой больницы.

Собратся с мыслями я могла только ночью, когда меня оставляли одну. Тогда я, наконец, могла поплакать — так, чтобы никто из родных не видел. За что мне это? Что я сделала не так? Это потому, что я заносчивая, да? Это все моя гордыня? Это чья-то зависть? Может, я хвасталась? Жених, модельная карьера, *dolce vita*, обязательно все было выставлать напоказ? Думала, весь мир будет у твоих ног, вот посмотри, где теперь твои ноги? Получила по заслугам?

САНТА-БАРБАРА

Я РАНЬШЕ и не отдавала себе отчета, что это так здорово иметь ноги, которые ходят. Как можно ценить такое естественное состояние? Раз есть ноги, раз они ходят себе и ходят, сгибаются, разгибаются, бегают и прыгают, зачем о них рассуждать?

Сколько мы с братом Владиком в детстве носились по бабушкиной квартире! Мы жили с бабушкой и дедушкой, пока папа строил наш будущий дом. Когда родился Владик, папа оставил работу инженера в НИИ и пошел каменщиком на стройку. В начале восьмидесятых многие так делали — за это обещали дать квартиру. Папа и его знакомые строили девятиэтажки, которые тогда были новым словом

в градостроении, а сейчас это гнилые зубы на карте Воронежа. Он должен был отработать три с половиной года, но проработал в итоге семь лет. И только тогда получил ключи от собственного жилья.

А до этого мы вшестером жили в двухшке-распашонке. Мы с Владиком умудрялись в каждом углу затеять какую-нибудь игру. Мы практически погодки, нам всегда было весело вместе. Владику, как старшему брату, конечно, доставалось. Иногда я специально могла заплакать, чтобы все шишки за какую-нибудь нашу шалость посыпались на него, но это случалось редко. Обычно это он был зачинщиком. Как-то раз на даче он решил напугать нашу маму. Мама боялась лягушек. Брат уговорил меня наловить лягушек и преподнести ей такой подарок — сам-то он их в руки брать брезговал. Я бегала по всему болоту, насоби-рала полные карманы лягушек и преподнесла их нашей маме. Помню ее лицо! Мама была в таком ужасе, что я обещала никогда в жизни ее больше не пугать.

Я не сдержала обещание. Теперь у мамы на лице был не ужас, а что-то другое. Ее как буд-

то заморозили, чтобы она на какое-то время перестала думать. Кажется, она не совсем отдавала себе отчет в том, что происходит. Все мысли и переживания она отложила на потом. Сейчас она должна была кормить меня с ложки. Больничную еду есть невозможно. Мама рассчитывала время так, чтобы успеть между моими процедурами что-то приготовить дома и принести мне в контейнере. Но есть я почти не могла, меня лихорадило и тошнило.

Владик тоже постоянно был рядом. Мы снова держались за руки, как в детстве. И опять часами занимали друг друга. Теперь это было намного сложнее, все-таки в детстве у нас был конструктор, мы все время что-то строили, у нас было множество подручных материалов, мы могли отвлечь друг друга от любой печали. Но оказалось, можно и помолчать вместе.

Все было так просто, а я даже не ценила. На семейных праздниках часто какой-нибудь родственник произносил тост: «Ну а что в жизни главное? Конечно, здоровье. Сколько ни живу на свете, чем дальше, тем больше в этом убеждаюсь. Давайте выпьем за здоровье!» Всегда раздражалась, когда кто-нибудь начинал эту

песню. Сейчас другое дело — я первый раз в жизни загремела в больницу, да еще и так. Действительно, верно говорят, главное — здоровье.

«Соседские ребята тебе привет передают. Говорят, чтобы ты скорее поправлялась. Все о тебе думают, вспоминают, как ты носилась по двору со своим бутербродом». Это бутерброд из моего дворового детства, кусок батона с маслом, сверху посыпанный сахаром. Я выходила с ним на улицу похвастаться. Отовсюду сбегались дети и просили: «Дай откусить!» Кто-то предлагал банку из-под спрайта в обмен на полкуска. Это ценный обмен. Мы с Владиком в девяностых собирали жестяные банки из-под кока-колы, спрайта и так далее. Их надо было отмыть и расставить ровно-ровно на шкафу — это же не мусор, а коллекция! В нашем дворе это считалось очень престижным. Но лучше бы мне предложили коробочку из-под картошки в «Макдоналдсе», тогда бы я и весь бутерброд на нее обменяла. Кто-то из родительских друзей побывал в Москве, отстоял огромную очередь и привез нам в качестве сувенира красную картонную коробочку

с желтой буквой М. Во дворе только и было разговоров, что про какой-то удивительный «Макдоналдс» в Москве. Эта коробочка у нас хранилась лет десять, наверное.

«На городском форуме все только о тебе и пишут. Как бы бабушка с дедушкой не узнали, мы им пока ничего не говорили». Воронеж не остался безучастным. На форумах среди слов поддержки попадались комментарии, в которых нас осуждали за беспечность, за наш образ жизни: «ну а чего они хотели», «так им и надо», «доигрались-догулялись». Читатели сетовали, что шумиха поднимается, только когда кто-то известный в городе попадает в аварию, а когда простые люди гибнут на дорогах, никому и дела нет. Как мы и боялись, бабушке с дедушкой, конечно, все пересказали соседи.

Мне было особенно тяжело, что я сделала бабушке и дедушке так больно. Я же их любимица, и вот что со мной приключилось! В середине восьмидесятых, когда мы с Владиком были маленькими, бабушка полностью взяла на себя заботы о нашем воспитании. Бабушка была убеждена: только она знает, как правильно. Она говорила: «Мои внуки в детский сад

не пойдут никогда, это я заявляю ответственно как воспитатель детского сада».

Бабушка всегда была моим идеалом красоты. У нас были свои игры: я заворачивалась в тюль и превращалась в принцессу. Но принцесса не может обойтись без красивых туфель на каблуках. «Бабушка, дай свои, пожалуйста! Ну те, из коробки в шкафу, я аккуратно, обещаю!» Бабушка следила за модой и всегда была элегантно одета. Особенно она гордилась своими туфлями из кожи питона — ни у кого таких не было. Купила она их, когда ее, совсем молоденькую, послали на работу в ГДР, — она была переводчицей с немецкого. Там она познакомилась с моим дедушкой. Насколько я понимаю, они оба работали на КГБ. Вот еще с тех времен на улицах Воронежа она выглядела как иностранка.

Бабушка была нашим авторитетом. Когда по телевизору в девяностых начали показывать сериалы, на «Санта-Барбару» мы собирались вместе. На экране все были красивые, так модно одетые. И жили красиво и по-другому, не как в Воронеже. Мы с Владиком мучились, хотели тоже есть йогурт на завтрак, как герои

сериала про красивую жизнь. «Бабушка, что такое йогурт? Ты можешь нам его приготовить?» Мы обращались к бабушке как к самому продвинутому члену семьи. Все-таки она долго прожила за границей! Но и она не знала, что такое йогурт.

Бабушка учила меня хорошим манерам. «Женя, будь доброжелательной», «Женя, ты почему так громко хихикаешь? Девочка не должна громко смеяться. Посмотри на себя, смеешься во весь рот, а еще девочка. Давай тихонечко. Хи-хи, и достаточно», «Женя, нельзя перекладывать свои печали на других людей, они этого не заслужили. Если грустно, держи это при себе». Теперь, лежа в больнице, мне было неловко, что меня видят такой несчастной. Бабушка пыталась меня подбодрить: «Держись, наша дорогая. Ты справишься. Уж кто-кто, а ты обязательно справишься!»

Я думала, что сейчас наберусь терпения, мы это переждем, пришлют титановые запчасти из Америки, их вставят вместо позвонков, и все снова будет хорошо. Наверное, надо будет еще немного подлечиться, поплавать в бассейне, а там я уже встану и пойду.

Читать я не могла, руки быстро уставали держать книги. От журналов меня воротило. Какие весенне-летние образы? Какие коктейльные платья для вечеринок? Это все теперь мимо меня. Я развлекалась аудиокнигами. Все, что было тогда в наших книжных магазинах, я и прослушала: «Гордость и предубеждение», «Унесенные ветром», «Великий Гэтсби», «Записки юного врача».

— *Господин доктор... что хотите... денег дам... денег берите, какие хотите. Какие хотите.*

Продукты будем доставлять... только чтоб не померла. Только чтоб не померла. Калекой останется — пущай. Пущай! — кричал он в потолок. — Хватит прокормить, хватит... <...>

— *В мялку попала...*

— *В мялку... в мялку?.. — переспросил я. —*

Что это такое?

— *Лен, лен мяли... господин доктор... <...>*

Тут Демьян Лукич резким, как бы злобным движением от края до верху разорвал юбку и сразу ее обнажил. Я глянул, и то, что увидел, превысило мои ожидания. Левого ноги, собственно, не было. Начиная от раздробленного

колена, лежала кровавая рвань, красные мятые мышцы и остро во все стороны торчали белые раздавленные кости. Правая была переломлена в голени так, что обе кости концами выскочили наружу, пробив кожу. От этого ступня ее безжизненно, как бы отдельно, лежала, повернувшись набок.

— Да, — тихо молвил фельдшер и ничего больше не прибавил.

С чего все началось? Как я сама попала в эту «мялку»? Однажды мамина коллега увидела объявление о наборе девушек в модельное агентство. «Лен, а почему бы Жене не попробовать? Она у тебя высокая, худая, ноги от ушей». И действительно — во мне 177 сантиметров, весила я 49 килограммов. Правда, всем известно, что модельное агентство и публичный дом — это одно и то же. А что если нет? На всякий случай мама пошла со мной на пробы, чтобы своими глазами все увидеть. Мы решили ничего не говорить папе и бабушке. В офисе агентства «Андеграунд стиль» все было достаточно скромно, всего две комнаты. Меня сфотографировали в фас, в профиль, в полный рост. Все

заняло несколько минут. Я оставила свои контакты и быстро забыла всю эту идею.

Я училась на факультете экологии и географии и поначалу старалась не пропускать ни одной лекции. Мне нравилась идея стать экологом — сражаться за леса, за моря, за чистый воздух. В первую сессию я провалила экзамен по физике. Сколько слез было пролито! Я думала, это самое страшное, что может случиться в жизни, что сейчас меня непременно выгонят. Меня и всю остальную группу, потому что никто не сдал. Преподавателю нравилось быть вершителем судеб. Сейчас даже смешно вспоминать. Через несколько дней я пересдала экзамен, и вся физика моментально вылетела из головы. Помню только, что есть сила тяготения. Зачем мы отдавали этому столько сил и времени? На втором курсе у нас была высшая математика, с какими-то интегралами, мы ничего не понимали, преподаватель знал, что мы ничего не понимаем. Мы ходили на лекции, бездумно переписывали все с доски в тетрадку. В дипломе сказано, что я инженер-эколог. Такие люди обычно работают на санэпидемстанциях, занимаясь, например, титрованием гряз-

ной воды, определяют состав и наличие в ней разных химических вредных примесей, или изучают пробы воздуха. Короче, скукота. Мой брат Владик по стопам родителей пошел учиться в воронежский Политех. Он гордость семьи, окончил университет с красным дипломом.

Однажды мне перезвонили из модельного агентства и попросили зайти. Я им подошла. Классическая воронежская красotka. Всегда на каблуках, в любую погоду и по любым дорогам. Мне приходилось выбирать между красотой и комфортом, комфорт всегда проигрывал. У меня была всего одна пара зимней обуви. Шпильки десять сантиметров, джинсы в обтяжку, чебурашковая шуба, еле прикрывающая все, что нужно прикрывать, — ну королева! Неважно, что минус 25, в семь утра еще темно, и я на остановке вместе с остальными жителями нашего спального района жду маршрутку. Я ехала к первой паре и была во всей красе.

И понеслось: я начала сниматься в рекламе майонеза, обувных магазинов, магазина «Ткани», магазина пальто. Моя фотография огромных размеров висела на фасаде бутика «БОО» воронежского дизайнера. Я была то нежной

и милой, то строгой и агрессивной. На растяжках с рекламой фитнес-центра я была в спортивной форме и боксерских перчатках, готовилась нанести сокрушительный удар. Первый год мои гонорары уходили на оплату обучения в школе моделей. По вечерам после лекций в университете я ездила на другой конец города, в ДК 50-летия Октября. Там в одном из помещений был устроен некий институт благородных девиц. Мне и другим девочкам преподавали дефиле, актерское мастерство, макияж, стиль, — мне очень нравилось. Нас учили правильно ходить, выпрямляя коленки, с прямой спиной, по прямой линии и виляя бедрами. Оказалось, что это не так просто. Мы тренировались ходить по подиуму с книгой на голове — так, чтобы она не падала. Нас учили тому, что преподаватели называли «быть настоящей женщиной»: как держать себя в форме, как наедаться небольшим количеством еды, как ухаживать за собой, как пользоваться своими лучшими качествами. «Девочки, запомните, что бы ни происходило в вашей жизни — болезни, тяжелые расставания, похороны, просто усталость, — вы должны всегда быть с чистой

головой, подкрашены, и если уж выглядеть не на все сто, то хотя бы так, чтобы не было стыдно за свою внешность. Пока что вы еще гусеницы, но вы отсюда должны выпуститься бабочками — красивыми, легкими, воздушными. На вас должно быть приятно смотреть в любых обстоятельствах! Вы потом мне еще спасибо скажете. Ну и конечно, вы должны всегда брить ноги!» Если появился на показе с небритыми ногами — штрафа было не миновать.

Лежа в больнице, я вспоминала, чему нас учили. Для какой это было реальности? Что бы мне сейчас сказали наши педагоги? У меня нет связи со своей внешностью. Мне больно, когда мне расчесывают волосы. Я не могу прикасаться к лицу. Вместо скул у меня отек, на лбу огромная шишка. Я давно не смотрела в зеркало. Я не могу пошевелиться. Чем и как я буду тут влиять?

Мои посетители старались держаться весело, рассказывали, что происходит на улице. Я тратила все силы на то, чтобы улыбаться, о чем-то их расспрашивать, хотя на тот момент мне дела не было до их радостей и печалей. Но уж лучше эта пустая болтовня, чем с трудом сдерживае-

мые слезы на глазах у входящих в палату. Они причитали: «Как же так?», «Почему?», «Как же теперь жить?», а я старалась всех успокаивать: «Ну что вы, я выкарабкаюсь, не волнуйтесь за меня, всякое в жизни бывает!» Врачи меня хвалили: «Молодец, Женька, боец! Вот мужики на твоём месте сразу начинают пить — любыми способами договариваются с медсестрами, чтобы те проносили в палату разбавленный спирт. И дальше спиваются уже дома. Но это не про тебя, ты не слабак!»

Наверное, в больнице мне помогало как раз модельное прошлое. Мы с девчонками были очень выносливые. Нас могли загнать в восемь утра в зал с подиумом, и там надо было ходить с утра до вечера. «Вам надо в туалет или поесть? Зачем вам есть? Вы же модели». К нам относились как к вешалкам, как будто мы просто тела и ничего больше. Если не качать права, то так и будут к тебе относиться. Но мы, восемнадцатилетние девочки, боялись всего вокруг и подумать не могли о том, чтобы выступить с протестом. Для показа Алены Ахмадуллиной и Игоря Чапурина нам клеили парики, выбривая волосы по периметру. Никто не спрашивал,

хотим ли мы этого, нами распоряжались по своему усмотрению. Но в этом случае мы были не против — это же для Алены Ахмадуллиной и Игоря Чапурина! Тогда эти дизайнеры только набирали популярность, но среди моделей были уже достаточно известны, представляли Россию на Неделе моды в Париже. Вдруг нас тоже пригласят в Париж?

У нас был свой мир, в нем действовали свои законы. Мы были сосредоточены на себе, на косметике, на глянцевах журналах о красивой жизни, которые мы листали в перерывах. Советовали друг другу перед важными съемками выпить слабительного чая. Тогда живот становился не просто плоским, а прямо прилипал к позвоночнику. Таким был наш идеал красоты. А чтобы был незаметен едва зарождающийся целлюлит, надо было обрызгать попу лаком для волос.

За один выход на подиум платили 50 долларов. Иногда я зарабатывала больше родителей, теперь я участвовала в крупных семейных тратах вроде покупки новой входной двери или замены окон на пластиковые. После показа, с макияжем и прическами, я и еще деся-

ток девушек-моделей могли поехать в клуб или в ресторан. Все высокие, красивые — мы чувствовали себя элитой города и королевами мира. В выходные мы собирались у кого-нибудь дома, красились, наряжались, а потом набивались в машину нашей подруги Кати — это был старый раздолбанный джип *Mitsubishi Pajero*, который ее папа приобрел еще в начале девяностых. Машина жутко тарахтела, и мы с хохотом ехали в ночной клуб танцевать. Нам было весело! У нас появилась постоянная компания, довольно обширная. В ней были местные бизнесмены, какие-то богатые дядечки, которые любили угощать моделей выпивкой и вообще явно имели на нас виды. Мы входили в «набор джентльмена». Есть машина, есть квартира, зарабатываешь деньги? А чего у тебя жена какая-то неприветливая? Или ты свободен? Тогда почему бы тебе не жениться на хорошенькой девушке? Вон смотри, сколько красивых вокруг, они только и ждут своего часа. Этим мужчинам было неважно, модель умная или нет, можно ли с ней о чем-нибудь поговорить. Девушка-модель — это было так же необходимо успешному воронежскому мужчине,